

КОНСТАНТИН ГРИГОРИЧЕВ

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РОССИЙСКИЙ КОЛОРИТ¹

Григоричев Константин Вадимович, доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета;

Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

E-mail: grigoritchev@yandex.ru

Статья посвящена анализу факторов, определяющих специфику субурбанизации в России. В отличие от дачных сезонных миграций субурбанизация предполагает постоянное пригородное расселение. Прежде всего, указывается на продолжающееся влияние особенностей советской урбанизации на постсоветские пригородные пространства, например, повсеместно распространенного обширного городского частного сектора. Другим существенным фактором, определяющим характер и динамику процесса формирования внешних пригородов, является система поземельных отношений и особенности оборота земли на рынке. Так, перераспределение колхозных земель среди работников колхозов привело к тому, что в субурбанизации в основном были задействованы доступные на рынке небольшие земельные участки, в то время как крупные собственники земли и застройщики долгое время дистанцировались от этих процессов. Отсюда невозможность комплексного девелопмента, следствием чего становится почти полное отсутствие социальной инфраструктуры в возникающих пригородах. Иные факторы – дачи как сезонный эквивалент субурбанизации, низкое влияние перераспределения городской жилой собственности, а также региональные и внутрирегиональные различия и многообразия форм. Последние обуславливают неприменимость линейных подходов к российской ситуации.

Ключевые слова: субурбанизация; постсоветская пригородная революция; Россия

Цитирование: Григоричев К.В. (2020) Постсоциалистическая пригородная революция: российский колорит // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5420207-15>

Масштабные перемены могут начинаться негромко. Всего чуть более 10 лет назад исследователи осторожно оценивали перспективы субурбанизации даже Московской агломерации, указывая на комплекс сдерживающих ее факторов [Кириллов, Махрова, 2009]. Одним из ключевых ограничений наряду с демографическим и административными условиями считался феномен дач, выполняющих роль сезонной [Махрова, 2015] или квази-субурбанизации [Голубчиков, Махрова, Фелпс, 2010]. Однако в последние годы можно уже вполне уверенно констатировать стремительный рост постоянного пригородного расселения [Григоричев, 2018], ключевым механизмом которого является миграция [Mkrtchyan, 2019]. Дискуссия 2017–2019 годов [Что мы знаем, 2017; Республики, 2018; «Пригородная революция»..., 2019] показала, что можно уверенно констатировать включение России и других постсоветских стран в процесс, определяемый в литературе как постсоциалистическая пригородная революция [Stanilov, Sykora, 2014].

При всей общности ситуации постсоциалистического транзита (снижение степени регуляции городского развития, появление частного капитала и инициативы и т. д.) развитие городов в странах Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, России и других стран на территории бывшего СССР — с другой, все же происходит в существенно различающихся условиях. Можно выделить по крайней мере несколько факторов, определяющих своеобразие российских субурбанизационных процессов.

Важнейшее значение имеет влияние конкретных параметров советского режима, которые в логике *path dependency* продолжают оказывать весьма значительное влияние на современное

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 20-011-00282.

развитие городов и их субурбий. Существенное, а иногда и определяющее влияние советской урбанизации на современное городское развитие было отмечено уже достаточно давно [Ber-taud, Renaud, 1997]. Александр Калюкин и Себастьян Коль утверждают, что именно логика развития советского города и традиции домостроения продолжают определять и облик современного российского города (прежде всего провинциального), и его пространственную структуру. Постсоветская субурбанизация, по их мнению, не столько изменяет систему городского землепользования, сколько воспроизводит экстенсивные советские модели, дополняя последовательные круги роста города сталинской, хрущевской и брежневской эпох [Kalyukin, Kohl, 2020].

Важным наследием советской урбанизации, определяющим облик множества, если не большинства провинциальных городов России, является так называемый *частный сектор*. Это обширные массивы малоэтажной низкоплотной усадебной застройки. Сложившись преимущественно вне государственной поддержки и прямого регулирования (власть поощряла индивидуальное жилищное строительство лишь в годы послевоенного восстановления [Kalyukin, Kohl, 2020, p. 1775]), частный сектор сформировал обширные пространства даже в крупнейших городах-миллионниках, где доля частной застройки составляет от 15 до 45% [Преловская, 2017]. В Сибири, где в советский период индивидуальное строительство сохраняло значительные масштабы до второй половины 1960-х годов [Долголюк, 2008], частный сектор занимает обширные массивы, не только заполняющие пустоты между кварталами многоэтажной застройки, но и формирующие целые районы со специфичной негородской организацией пространства [Григоричев, 2019]. Эти пространства, определяемые муниципальными администрациями и планировщиками как «резерв развития», «зоны развития застроенных территорий», как правило, оказываются «невидимыми» для власти, равно как невидимыми оказываются и проживающие здесь сообщества [Бляхер, Иванова, Ковальский, 2021].

Такая «невидимость», «пустота» [Филиппов, 2009] значительной части российского города обуславливает и невидимость протекающих здесь процессов. Вместе с тем в постсоветские десятилетия обширные локальности частного сектора динамично изменяются, все дальше уходя от образа «села в городе», выступавшего механизмом и символом процесса, определенного В.Л. Глазычевым как «слободизация городов» [Глазычев, 1995]. Такие изменения уже хорошо фиксируются через визуальность частного сектора, отражающую широкий спектр вариантов трансформации таких «негородских локальностей». Их общими чертами остаются горизонтальный вектор развития и сохранение соразмерности человеку, однако формы и темпы преобразований крайне разнятся. Наряду с активно изменяющимися локальностями частного сектора, где типично сельские дома и усадьбы уступают место благоустроенным домам, сохраняются и локальности, в которых преобладают облик и уклад «городского села». С ними контрастируют обнаруженные в Иркутске, Омске и Хабаровске компактные, но хорошо заметные районы коттеджной застройки, развивающиеся по модели *gated communities* [Hirt, 2012] в логике посткоммунистических трансформаций [Gasior-Niemiec, Glasze, Pütz, 2003].

В результате в обширных негородских пространствах российского города формируются разрастающиеся ареалы «внутреннего пригорода», где доминирующим образом жизни постепенно становится субурбанизм [Григоричев, 2021]. Развитие таких пространств происходит в логике дуализма городского и пригородного образов жизни [Walks, 2013], но за исключением автомобильной зависимости, что обусловлено территориальным положением частного сектора, который нередко находится в центральных районах города и включен в сеть общественного транспорта. Формирование внутреннего пригорода как вариант постсоветского развития наблюдается и в других постсоциалистических странах, например в Польше [Spórna, 2018]. Однако если в польских городах внутренняя субурбанизация выглядит как поглощение «нормального» города [Spórna, Krzysztofik, 2020], в России это скорее сохранение негородских локальностей в новом качестве.

Еще одним фактором, наиболее заметно действующим за пределами городской черты и в значительной мере определяющим характер и динамику процесса формирования внешних пригородов, является, на мой взгляд, система поземельных отношений и особенности оборота земли на рынке. Начало оборота земли в пригородных зонах связано с ликвидацией колхозных хозяйств. Поскольку колхозы являлись *de jure* объединением частных лиц в кооперативы, после их юридической ликвидации потребовалось распределить имущество, в том числе землю, между членами кооперативов. В отличие от стран Балтии и Восточной Европы, в России принцип реституции земель был отвергнут, а основная часть сельскохозяйственных земель

была передана в общую собственность трудовых коллективов и затем перераспределена между широким кругом колхозников, членов их семей и иных групп жителей села [Шагайда, 2010, с. 35, 38]. В результате значительная часть сельскохозяйственных земель, в том числе в пригородных сельских районах, оказалась в собственности частных лиц, не заинтересованных, а часто и не способных вести аграрное производство. Это сформировало значительный потенциал рынка земли в пригородной зоне, который начал реализовываться с появлением спроса на пригородное расселение.

Поскольку в пригородной зоне колхозные хозяйства владели далеко не всеми землями, то и в формирование субурбии первоначально вовлекались не все пригородные территории, а лишь те, где ранее располагались колхозы. Из-за преобладания небольших земельных участков, выделенных в качестве паев бывшим колхозникам, именно здесь появляется возможность приобретения участков под строительство физическими лицами или небольшим бизнесом. Формировавшийся стихийный рынок оборота земли, в котором высокую роль играла система неформальных отношений [Тимошкин, 2017], исключал возможность комплексного девелопмента, следствием чего становится почти полное отсутствие социальной инфраструктуры в возникающих пригородах. Если торговля и сфера обслуживания достаточно быстро формировались для удовлетворения растущего и платежеспособного спроса со стороны новых «пригорожан», то острейший дефицит дошкольных, образовательных, медицинских учреждений сохраняется в большинстве пригородных поселений и по сей день [Бреславский, 2018]. Это порождает весьма специфический образ пригородной жизни, когда маятниковая миграция из *modus operandi* превращается в *modus vivendi* всей семьи, включая детей дошкольного возраста.

Пригородные земли, являвшиеся собственностью юридических лиц, вовлекались в земельный оборот медленнее и позднее. Это прослеживается по заметно более позднему росту численности населения в муниципальных образованиях с доминированием такой собственности. Причинами этого, вероятно, являлись не только меньшая заинтересованность собственников в вовлечении земли в оборот, но и заметно меньший потенциальный спрос на крупные земельные участки. Крупные застройщики достаточно долго не выходили за пределы городской черты, и в пригородной зоне большинства региональных центров комплексные девелоперские решения в виде закрытых коттеджных поселений или комплексов таунхаусов до сих пор носят единичный характер.

Выход крупных региональных застройщиков в пригородную зону, вероятно, происходит не ранее 2010-х годов и связан с тем, что они ищут возможности для снижения инвестиционных затрат и охвата сегмента рынка жилья с низкой платежеспособностью [Григоричев, 2016]. Кроме того, в этом процессе хорошо видно влияние советской практики городского роста, скорректированной задачей снижения вложений. Пригородные мало- и среднеэтажные жилые комплексы, продвигаемые в рекламе как «уникальное сочетание городского комфорта и чистой экологии загородного поселка»², по отзывам жителей, оказывается, полностью лишены инфраструктуры, обеспечивающей «блага урбанизма»³. Фактически, отвечая на запрос на «несоветский» образ жизни за городом, застройщики предлагают ухудшенную советскую модель спального микрорайона, слабо интегрированного в сеть общественного транспорта, лишенного социальной инфраструктуры и не предполагающего создание заметного числа рабочих мест. Иными словами, «несоветская» модель *edge city* [Garreau, 1991; Phelps, 2012] подменяется здесь «советским» микрорайоном, предлагающим в большинстве случаев не высокий комфорт в экологически чистом районе, а, напротив, жилье дешевого ценового сегмента, ориентированное на сегмент рынка с низкой платежеспособностью.

Безусловно, одним из наиболее заметных факторов российской субурбанизации являются дачи — феномен, в значительной мере определяющий постсоветский субурбанистический ландшафт не только в России, но и во всех странах бывшего Советского Союза [Struyk, Angelici, 1996; Leetmaa et al., 2012; Hormel, 2017; Shkaruba et al., 2021] и даже за их пределами [Lipkina, 2013]. С одной стороны, этот фактор сдерживает темпы субурбанизации, поскольку является ее сезонным эквивалентом, формирующим мощный контрурбанизационный тренд в теплый сезон [Nefedova, Pokrovsky, 2018]. С другой стороны, это своего рода «серая зона» субурбанизации, в которой сохраняющаяся форма традиционной советской дачи скрывает новые про-

² См. напр.: «Березовый 2». Жилой комплекс: <https://www.nwirk.ru/>.

³ См. напр.: Микрорайон Березовый. Отзывы на Yandex.ru: https://yandex.ru/maps/org/mikrorayon_berезовy/8035349873/reviews/?ll=104.240685%2C52.222603&z=18.

цессы. Дачные поселки достаточно часто фактически перестраиваются или с самого начала развиваются как форма постоянного пригородного расселения, формально оставаясь садоводческими некоммерческими товариществами. Особенно динамично этот процесс развивается после того, как была разрешена регистрация по месту жительства на дачах. Разумеется, пока сложно говорить о том, насколько функции российских дач меняются в сторону первого и тем более единственного жилья, но констатировать этот процесс можно вполне уверенно.

На характер субурбанизационных процессов в России заметное влияние оказала и специфика постсоветского перераспределения городской собственности. Отказ от принципа реституции в пользу эгалитарного подхода к приватизации жилья был обусловлен отсутствием заметного давления новых собственников на низкодходные слои населения. В отличие от европейских постсоциалистических стран, где реституция стала одним из факторов субурбанизации (как за счет выдавливания низкодходных групп из центров городов [Nuißl, Rink, 2005], так и за счет ослабления регуляции пригородных земель, переданных новым собственникам [Lokšová, Batista, 2021]), в российских городах перераспределение жилой собственности не стало заметным фактором перемещения населения в пригороды. Исключением можно считать принудительное выселение «злостных неплательщиков» и маргинализированных групп. Это, однако, не стало заметным трендом, хотя и сформировало отдельные локальности компактного проживания жилищно-депривированного населения [Казакова, 2017]. Такие локальности формировали не столько реальный социальный статус пригорода, сколько его медийный образ как пространства жизни социально неуспешных слоев [Казакова, 2020].

Наконец, важно упомянуть чрезвычайную гетерогенность российского пространства, в значительной мере определяющую различия в протекании субурбанизации в российских регионах. Российские регионы заметно отличаются и по степени урбанизированности, и по динамике и трендам развития городов, и по уровню жизни населения. В результате в соседних регионах рост пригородных зон может происходить в одном случае за счет ускоренного завершения урбанизации и массовой миграции сельского населения в региональный центр [Бреславский, 2014], а в другом — за счет доминирования миграции из крупного города в его пригороды [Григоричев, 2013]. Тогда в первом случае развитие пригородных поселений происходит преимущественно по модели субурбанизации глобального Юга [Mabin, Butcher, Bloch, 2013] с формированием обширных малоблагоустроенных поселений, часто сквоттерских, для которых характерны высокие риски маргинализации [Бреславский, 2018]. Во втором случае формирование субурбии происходит ближе к моделям субурбанизации глобального Севера середины — второй половины XX века [Jordan, Ross, Usowski, 1998] и предполагает появление обширных поселений, где доминирует современная усадебная застройка, а жители преимущественно имеют устойчивую занятость в городе [Григоричев, 2013]. Более того, в пределах пригородного пояса одного регионального центра и даже одного пригородного муниципалитета встречаются самые разнообразные формы субурбанизационного роста [Григоричев, 2016, с. 17].

В результате пригороды российских городов выглядят как лоскутное одеяло, в котором сочетаются самые разные траектории и механизмы формирования субурбий, описание которых с позиций классической (североатлантической) субурбанизации выглядит весьма затруднительным. Российская ситуация как нельзя более точно отражает тезис Роджера Кейла о «необходимости переписать городскую теорию с нуля» [Keil, 2013, p. 13]. При этом множественность вариантов российской субурбанизации соответствует глобализации процессов субурбанизации, меняющих традиционные представления о городском центре и периферии [Keil, 2018]. Анализ российской специфики пригородного расселения и образа жизни может внести интересный вклад в теоретическое понимание этих процессов.

Вместе с тем гетерогенность российской субурбанизации открывает интересные перспективы в дискуссии о линейном и дифференциальном взгляде на урбанизацию. Обращение исследователей к развитию постсоциалистических городов Центральной и Восточной Европы в сравнении с западноевропейским опытом урбанизации привело к постановке вопроса о релевантности применения западных теоретических концептов [Ouředníček, 2016]. Ключевой проблемой здесь является представление о линейной траектории городского развития, где субурбанизация — один из последовательных этапов [Champion, 2001]. При таком подходе развитие постсоциалистических городов механистически вписывается в парадигму «догоняющего» развития, предполагающую возврат бывших социалистических городов к своим западным аналогам и постепенную «коррекцию» социалистического развития до «нормаль-

ной» урбанизации [Oùředníček, 2016]. В качестве альтернативного взгляда была предложена идея дифференциальной урбанизации, позволяющая учитывать неравномерность развития постсоветского города, в котором процессы урбанизации, субурбанизации, контрурбанизации и реурбанизации могут протекать не последовательно, а сочетаться друг с другом [Oùředníček, 2007]. Российская ситуация предоставляет широкий спектр кейсов, отличающихся динамикой и формами урбанизации и субурбанизации, а также условиями этих процессов. Он может дать великолепный материал для сравнения как с «классическими» траекториями городского развития, так и с опытом изучения постсоциалистических городов Европы.

Источники

- Бляхер Л.Е., Иванова А.П., Ковалевский А.В. (2021) «Пустые пространства» и их обитатели в городах Дальнего Востока России (на примере города Хабаровска)//Мир России. Т. 30. № 3. С. 150–173.
- Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С. (2018) Мечта или кошмар? Мотивы и практики оседания семей сельских мигрантов в пригородах Улан-Удэ//«Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие. Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т. С. 147–157.
- Глазычев В.Л. (1995) Слободизация страны Гардарики//Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус. С. 63–68.
- Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. (2010) Применение концепции «окраинного города» для анализа современных процессов урбанизации в РФ (на примере г. Химки)//Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 3. С. 48–54.
- Григоричев К.В. (2013) В тени большого города. Социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.
- Григоричев К.В. (2016) Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска)//Городские исследования и практики. Т. 1. № 2 (3). С. 7–23.
- Григоричев К.В. (2018) Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда//Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. по итогам Всероссийского научно-практического семинара (10–11 июня 2018 г., г. Улан-Удэ)/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 175–189.
- Григоричев К.В. (2019) «Частный сектор» российских городов: от наследия советской урбанизации к «внутреннему пригороду»//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 22–26.
- Григоричев К.В. (2021) Двойник-невидимка российского города: «частный сектор» между слободой и внутренним пригородом//Ойкумена. № 1 (56). С. 5–18.
- Долголюк А.А. (2008) Индивидуальное жилищное строительство в Сибири в 1946–1970 гг.//Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Параллель. С. 81–103.
- Казакова А.Ю. (2020) Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности. Дис. на соискание ... д-ра соц. наук. Ставрополь.
- Казакова А.Ю. (2017) Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития. Саратов: Вузовское образование.
- Кириллов П.Л., Махрова А.Г. (2009) Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние//Региональные исследования. № 4–5 (25). С. 42–54.
- Махрова А.Г. (2015) Сезонная субурбанизация в регионах России//Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 59–67.
- Преловская Я.В. (2017) Методика реконструкции застройки типа «частный сектор» на этапах развития города, на примере городов среднего Поволжья: автореф. дисс. ... канд. техн. наук: 05.23.22. Москва.
- «Пригородная революция» в региональном срезе (2019) Периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Республики (2018) Республики на востоке России. Траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. по итогам Всероссийского научно-практического семинара (10–11 июня 2018 г., г. Улан-Удэ)/отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Тимошкин Д.О. (2017) «Помогу за коньячок»: неформальные практики землепользования в пригородах Иркутска//Сибирские исторические исследования. № 1. С. 149–165.

- Филиппов А.Ф. (2009) Пустое и наполненное: трансформация публичного места//Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 116–127.
- Что мы знаем о современных российских пригородах? (2017)/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Шагайда Н.И. (2010) Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Bertaud A., Renaud B. (1997) Socialist Cities without Land Markets//Journal of Urban Economics. Vol. 41 (1). P. 137–151.
- Champion A. (2001) Urbanization, Suburbanization, Counterurbanization and Reurbanization//Handbook of Urban Studies/R. Paddison (ed.). London: Sage Publications. P. 143–161.
- Garreau J. (1991) Edge City: Life on the New Frontier. New York: Doubleday.
- Phelps N. (2012) The Growth Machine Stops? Urban Politics and the Making and Remaking of an Edge City//Urban Affairs Review. Vol. 48. No. 5. P. 670–700.
- Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. (2003) A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities//East European Politics & Societies. Vol. 23. No. 2. P. 244–265.
- Hirt S. (2012) Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. Oxford: Willey-Blackwell.
- Hormel L.M. (2017) Food or Flowers? Dacha Gardening and Gendered Class Relations in Post-Soviet Ukraine//Rural Sociology. Vol. 82. No. 1. P. 75–100.
- Jordan S., Ross J.P., Usowski K.G. (1998) U.S. Suburbanization in the 1980s//Regional Science and Urban Economics. Vol. 28. No. 5. P. 611–627.
- Kalyukin S., Kohl S. (2020) Continuities and Discontinuities of Russian Urban Housing: The Soviet Housing Experiment in Historical Long-Term Perspective//Urban Studies. Vol. 57 (8). P. 1768–1785.
- Keil R. (2018) Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside In. Cambridge: Polity Press.
- Keil R. (ed.) (2013) Suburban Constellations: Governance, Land and Infrastructure in the 21st century. Berlin: Jovis Verlag.
- Leetmaa K., Brade I., Anniste K., Nuga M. (2012) Socialist Summer-home Settlements in Post-socialist Suburbanisation//Urban Studies. Vol. 49. No. 1. P. 3–21.
- Lipkina O. (2013) Motives for Russian Second Home Ownership in Finland//Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. Vol. 13. No. 4. P. 299–316.
- Lokšová T., Batista L.G. (2021) Postsocialist Suburban Governmentality: A Shift from Reactive to Proactive Discourse in the Case of Brno, Czech Republic//Cities. Vol. 110. 103074.
- Mabin A., Butcher S., Bloch R. (2013) Peripheries, Suburbanisms and Change in Sub-Saharan African Cities//Social Dynamics. Vol. 39. No. 2. P. 167–190.
- Mkrtychyan N.V. (2019) Regional Capitals of Russia and Their Suburbs: Specifics of the Migration Balance//Regional Research of Russia. Vol. 9. P. 12–22.
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E. (2018) Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-Urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities//European Countryside. Vol. 10. No. 4. P. 673–692.
- Nuissl H., Rink D. (2005) The 'Production' of Urban Sprawl in Eastern Germany as a Phenomenon of Post-Socialist Transformation. Cities. Vol. 22. No. 2. P. 123–134.
- Ouředníček M. (2007) Differential Suburban Development in the Prague Urban Region//Geografiska Annaler, Series B: Human Geography. Vol. 89. No. 2. P. 111–126.
- Ouředníček M. (2016) The Relevance of "Western" Theoretical Concepts for Investigations of the Margins of Post-Socialist Cities: The Case of Prague//Eurasian Geography and Economics. Vol. 57. No. 4–5. P. 545–564.
- Shkaruba A., Skryhan H., Likhacheva O., Kireyeu V., Katona A., Shyrokostup S., Sepp K. (2021) Environmental Drivers and Sustainable Transition of Dachas in Eastern Europe: An Analytical Overview//Land Use Policy. Vol. 100. 104887.
- Spórna T. (2018) The Suburbanisation Process in a Depopulation Context in the Katowice Conurbation, Poland//Environmental & Socio-economic Studies. Vol. 6. No. 1. P. 57–72.
- Spórna T., Krzysztofik R. (2020) 'Inner' Suburbanisation – Background of the Phenomenon in a Polycentric, Post-Socialist and Post-Industrial Region. Example from the Katowice Conurbation, Poland//Cities. Vol. 104. 102789.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe. Oxford: Willey-Blackwell.
- Struyk R.J., Angelici K. (1996) The Russian Dacha Phenomenon//Housing Studies. Vol. 11. No. 2. P. 233–250.
- Walks A. (2013) Suburbanism as a Way of Life, Slight Return//Urban Studies. Vol. 50 (8). P. 1471–1488.

KONSTANTIN GRIGORICHEV

THE POST-SOCIALIST SUBURBAN REVOLUTION: THE RUSSIAN CONTEXT

Konstantin V. Grigorichev, DSc in Sociology, Assistant Professor, Vice Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University; 1 Karl Marx street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.

E-mail: grigorichev@yandex.ru

Abstract

This article studies the factors determining suburbanization in Russia. Unlike seasonal dacha migrations, suburbanization involves permanent suburban migration. The author points to the continuing influence of Soviet urbanization on post-Soviet suburban spaces, for example, the extensive urban private sector. Another significant factor determining the formation of the suburbs is the system of land relations and the peculiarities of land turnover. The redistribution of collective farm (kolkhoz) lands among collective farm workers led to small plots of land being available on the market which were mainly involved in suburbanization and which large landowners and developers distanced themselves from. Hence the impossibility of complex development, which resulted in an almost complete lack of social infrastructure in the emerging suburbs. Other factors are dachas as the seasonal equivalent of suburbanization, the low impact of urban residential property redistribution, and interregional and intraregional differences in urbanization. The latter determine the inapplicability of linear approaches to analyzing the Russian situation.

Keywords: suburbanization; Post-Socialist Suburban Revolution; Russia

Citation: Grigorichev K.V. (2020) The Post-socialist Suburban Revolution: The Russian Context. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 7–15. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5420207-15>

References

- Bertaud A., Renaud B. (1997) Socialist Cities without Land Markets. *Journal of Urban Economics*, vol. 41 (1), pp. 137–151.
- Bliakher L., Ivanova A., Kovalevski A. (2021) «Pustye prostranstva» i ih obitateli v gorodah Dal'nego Vostoka Rossii (na primere goroda Khabarovska) ["Empty Spaces" and Their Inhabitants in Far Eastern Russian Cities: the Case of Khabarovsk]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 30, no 3, pp. 150–173. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2018) Mechta ili koshmar? Motivy i praktiki osedanija semej sel'skih migrantov v prigorodah Ulan-Udje [Dream or Nightmare? Motives and Practices of Settling Families of Rural Migrants in the Suburbs of Ulan-Ude]. «Zhizn' na chemodanah»: mobil'nost' sem'i i social'noe blagopoluchie ["Life on suitcases": family mobility and social well-being]. Vladivostok: Far Eastern Federal University, pp. 147–157. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2014) Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaja migracija i rost Ulan-Udje v postsovetskij period [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN. (in Russian)
- Champion A. (2001) Urbanization, Suburbanization, Counterurbanization and Reurbanization. *Handbook of Urban Studies*. London: Sage Publications, pp. 143–161.
- Chto my znaem o sovremennyh rossijskih prigorodah? (2017) [What Do We Know about Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN. (in Russian)
- Dolgoľjuk A.A. (2008) Individual'noe zhilishhnoe stroitel'stvo v Sibiri v 1946-1970 gg. [Individual Housing Construction in Siberia in 1946-1970]. *Opyt reshenija zhilishhnoj problemy v gorodah Sibiri v XX – nachale XXI vv.* [Experience in Solving the Housing Problem in Siberian Cities in the XX – Early XXI Centuries]. Novosibirsk: Parallel, pp. 81–103. (in Russian)
- Filippov A.F. (2009) Pustoe i napolnennoe: transformacija publichnogo mesta [Empty and Full: Transformation of a Public Place]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociology Review], vol. 8, no 3, pp. 116–127. (in Russian)

- Garreau J. (1991) *Edge City: Life on the New Frontier*. New York: Doubleday.
- Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. (2003) A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities. *East European Politics & Societies*, vol. 23, no 2, pp. 244–265.
- Glazychev V.L. (1995) Slobodizacija strany Gardariki [Slobodization of the Gardariki country]. *Inoe. Hrestomatija novogo rossijskogo samosoznanija* [Other. Reader on the New Russian Identity]. M.: Argus, pp. 63–68. (in Russian)
- Golubchikov O.Ju., Mahrova A.G., Felps N.A. (2010) Primenenie koncepcii «okrainnogo goroda» dlja analiza sovremennyh processov urbanizacii v RF (na primere g. Himki) [Application of the Concept of “Edge City” for the Analysis of Modern Urbanization Processes in the Russian Federation (On the Example of Khimki)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 5. Geografija*. [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia], no 3, pp. 48–54. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2013) V teni bol'shogo goroda. Social'noe prostranstvo prigoroda [In the Shadow of a Big City. The Social Space of the Suburb]. Irkutsk: Ottisk. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2016) Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizacija v sibirskom regione (sluchaj Irkutskaja) [Diversity of the Suburb: Suburbanization in Siberian Region (the Case of Irkutsk)]. *Gorodskie issledovanija i praktiki*. [Urban Studies and Practices], vol. 1, no 2 (3), pp. 7–23. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2018) Suburbanizacija na vostoce Rossii: regional'naja mozaika global'nogo trenda [Suburbanization in the East of Russia: Regional Mosaic of the Global Trend]. Breslavsky A.S. (ed.) *Respubliki na vostoce Rossii: traektorii jekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitija* [Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, pp. 175–189. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2019) «Chastnyj sektor» rossijskih gorodov: ot nasledija sovsjetkoj urbanizacii k «vnutrennemu prigorodu» [The “Private Sector” of Russian Cities: From the Legacy of Soviet Urbanization to the “Inner Suburb”]. «Prigorodnaja revoljucija» v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovsjetkom prostranstve [“Suburban Revolution” and Peripheral Urban Territories in the Post-Soviet Space]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, pp. 22–26. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2021) Dvojniki-nevidimki rossijskogo goroda: «chastnyj sektor» mezhdu slobodoi i vnutrennim prigorodom [The Invisible Twin of the Russian City: The “Private Housing Sector” between the Sloboda and the Inner Suburb]. *Ojkumena* [Oecumene], no 1 (56), pp. 5–18. (in Russian)
- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Hormel L.M. (2017) Food or Flowers? Dacha Gardening and Gendered Class Relations in Post-Soviet Ukraine. *Rural Sociology*, vol. 82, no 1, pp. 75–100.
- Jordan S., Ross J.P., Usowski K.G. (1998) U.S. Suburbanization in the 1980s. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 28, no 5, pp. 611–627.
- Kalyukin S., Kohl S. (2020) Continuities and Discontinuities of Russian Urban Housing: The Soviet Housing Experiment in Historical Long-Term Perspective. *Urban Studies*, vol. 57 (8), pp. 1768–1785.
- Kazakova A.J. (2020) Zhilishhnaja deprivacija i territorial'naja stigma kak atributy marginal'nosti. Dis. Na soiskanie ... d-ra soc. nauk [Housing Deprivation and Territorial Stigma as Attributes of Marginality. PhD Thesis]. Stavropol. (in Russian)
- Kazakova A.J. (2017) Prigorodnyj obraz zhizni v sovremennoj rossijskoj provincii. Social'naja baza, problemy i perspektivy razvitija. [Suburban Lifestyle in the Modern Russian Province. Social Base, Problems and Development Prospects]. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie [Saratov: Higher Education]. (in Russian)
- Keil R. (2018) *Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside In*. Cambridge: Polity Press.
- Keil R. (ed.) (2013) *Suburban Constellations: Governance, Land and Infrastructure in the 21st century*. Berlin: Jovis Verlag.
- Kirillov P.L., Mahrova A.G. (2009) Suburbanizacija v Moskovskom stolichnom regione: sovremennoe i perspektivnoe sostojanie [Suburbanization in the Moscow Capital Region: Current and Future State]. *Regional'nye issledovanija* [Regional Studies], no 4–5 (25), pp. 42–54. (in Russian)
- Leetmaa K., Brade I., Anniste K., Nuga M. (2012) Socialist Summer-home Settlements in Post-socialist Suburbanisation. *Urban Studies*, vol. 49, no 1, pp. 3–21.
- Lipkina O. (2013) Motives for Russian Second Home Ownership in Finland. *Scandinavian Journal Of Hospitality And Tourism*, vol. 13, no 4, pp. 299–316.
- Lokšová T., Batista L.G. (2021) Postsocialist Suburban Governmentality: A Shift from Reactive to Proactive Discourse in the Case of Brno, Czech Republic. *Cities*, vol. 110, 103074.

- Mabin A., Butcher S., Bloch R. (2013) Peripheries, Suburbanisms and Change in Sub-Saharan African Cities. *Social Dynamics*, vol. 39, no 2, pp. 167–190.
- Makhrova A.G. (2015) Sezonnaja suburbanizacija v regionah Rossii [Seasonal Suburbanization in the Regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 5. Geografija* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia], no 4, pp. 59–67. (in Russian)
- Mkrtychyan N.V. (2019) Regional Capitals of Russia and Their Suburbs: Specifics of the Migration Balance. *Regional Research of Russia*, vol. 9, pp. 12–22.
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E. (2018) Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-Urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities. *European Countryside*, vol. 10, no 4, pp. 673–692.
- Nuissl H., Rink D. (2005) The 'Production' of Urban Sprawl in Eastern Germany as a Phenomenon of Post-Socialist Transformation. *Cities*, vol. 22, no 2, pp. 123–134.
- Ouředníček M. (2007) Differential Suburban Development in the Prague Urban Region. *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, vol. 89, no 2, pp. 111–126.
- Ouředníček M. (2016) The Relevance of "Western" Theoretical Concepts for Investigations of the Margins of Post-Socialist Cities: The Case of Prague. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 57, no 4–5, pp. 545–564.
- Phelps N. (2012) The Growth Machine Stops? Urban Politics and the Making and Remaking of an Edge City. *Urban Affairs Review*, vol. 48, no 5, pp. 670–700.
- Prelovskaja J.V. (2017) Metodika rekonstrukcii zastrojki tipa "častnyj sektor" na jetapah razvitija goroda, na primere gorodov srednego Povolzh'ja. Avtoref.diss. ... kand. tehn. nauk: 05.23.22 [Methods of Reconstruction of Buildings of the "Private Sector" Type at the Stages of City Development, on the Example of Cities in the Middle Volga Region. PhD Thesis]. Moscow. (in Russian)
- «Prigorodnaja revolucija» v regional'nom srece: periferijnye gorodskie territorii na postsovetkom prostranstve (2019) ["Suburban Revolution" and Peripheral Urban Territories in the Post-Soviet Space]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN. (in Russian)
- Respubliki na vostoke Rossii: traektorii jekonomičeskogo, demografičeskogo i territorial'nogo razvitija (2018) [Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN. (in Russian)
- Shkaruba A., Skryhan H., Likhacheva O., Kireyev V., Katona A., Shyrokostup S., Sepp K. (2021) Environmental Drivers and Sustainable Transition of Dachas in Eastern Europe: An Analytical Overview. *Land Use Policy*, vol. 100, 104887.
- Spórna T. (2018) The Suburbanisation Process in a Depopulation Context in the Katowice Conurbation, Poland. *Environmental & Socio-economic Studies*, vol. 6, no 1, pp. 57–72.
- Spórna T., Krzysztofik R. (2020) 'Inner' Suburbanisation – Background of the Phenomenon in a Polycentric, Post-Socialist and Post-Industrial Region. Example from the Katowice Conurbation, Poland. *Cities*, vol. 104, 102789.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe. Oxford: Willey-Blackwell.
- Struyk R.J., Angelici K. (1996) The Russian Dacha Phenomenon. *Housing Studies*, vol. 11, no 2, pp. 233–250.
- Timoshkin D.O. (2017) "Pomogu za kon'jachok": neformal'nye praktiki zemlepol'zovanija v prigorodah Irkutsk [Give me Some Cognac and I'll Help You': Informal Practices of Land Use in the Suburbs of Irkutsk]. *Sibirskie istoričeskie issledovanija* [Siberian Historical Research], no 1, pp. 149–165. (in Russian)
- Walks A. (2013) Suburbanism as a Way of Life, Slight Return. *Urban Studies*, vol. 50 (8), pp. 1471–1488.